

RESTAURANT KORNILOFF

10, RUE JEAN-MERMOZ, ANGLE RUE DE PONTHEU.
(Boulevard des Champs-Élysées), tél. Ely 18-17 et 19-17

НОВОЕ КОМФОРТАБЕЛЬНОЕ И ОБШИРНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ
Завтраки, обеды, ужины. — Заказы на банкеты, в ресторане и на дому

РЕСТОРАНЬ
КОНДИТЕРСКАЯ

ELYMAR
37, Rue MARBEUF

ДЕЖУРНОЕ БЛЮДО 6.75

★ РЮМКА ВОДКИ 1 ФР. 50 ★
★ БЛИНЫ РАЗСОЛЬНИКЪ ★
★ ШАШЛЫКЪ, СЫРНИКИ, ★
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЗАКУСОКЪ
THE COMPLET : 6 fr. 50

КИЕВЪ
83, Avenue de Wagram
Tél.: Wagram 07-88

Уютная лѣтняя терраса
ЗАВТРАКИ И ОБѢДЫ, РАЗНООБРАЗНАЯ
И ОБИЛЬНАЯ КУХНЯ. Цѣны умѣренныя.
Отдѣльные салоны для банкетовъ.

ОБОЙЩИКЪ И ДЕКОРАТОРЪ
ВУАЛЕВЫЯ и пр. занавѣски. Шитье и повѣска. КРЕСЛА, диваны, нов. и обивка.
Кособрюховъ, МАТРАЦЫ, МАТЕРИИ И ВУАЛЬ
102, rue Erlanger (16e). Tél. Aut. 10-47

Me MARIA ZENI

Ясновидящая
Д-ръ оккультныхъ наукъ
Астрология, хирология,
психоанализъ и таро. Го-
роскопы на 1939 г. (Со-
общите дату и мѣсто
рождения).

62, rue de la Rochefoucauld, métro Pigalle

ФАБЕРЖЕ и К°

23, RUE SAULNIER, 23, PARIS (9e).
Métro : Cadet. Tél. : PROV. 42-26.
БРИЛЛАНТЫ, ЖЕМЧУГЪ,
ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ.

Покупка, продажа. Приемъ на комиссію.
Исполнение заказовъ.
Покупка издѣлій фирмы «К. ФАБЕРЖЕ»

„Кровочиститель АВРАНИНЪ“

ИНДИЙСКИЙ БАЛЬЗАМЪ Д. АВРАХОВА. Суш. съ 1893 г. СПБ., Колокольная. 11
Экстрактъ цѣлебныхъ индійскихъ кореньевъ и травъ, соверш. очищаетъ кровь, обновляетъ и омолаживаетъ орган., предохраняетъ его отъ преждевременной старости. Индійскій бальзамъ испытанъ болѣе, чѣмъ 60-ти лѣтъ. практикой, вполне излѣчиваетъ въ крат. срокъ упорн. и неподдающ. медицинѣ болѣзни, какъ сифилисъ, во всѣхъ его стад. и со вс. послѣд.: сух. спин. мозга (табессъ), продр. парал. Всѣ накожн. бол.: экзему, псориазисъ, лиопусъ (волчанка), сикозъ, падучую болѣзнь (эпилепс.), туберкулезъ легкихъ и костей, малокровіе, половую и общую слабость, нервныя желудочн. и кишечн. заболѣванія. Уже послѣ приема первой же бутылки на 3-5-й день болной, измуч. болѣзни, чувствуетъ, какъ организмъ наполн. новыми силами и успокаивается нервн. сист., появ. аппетитъ и норм. сонъ. Обл. излѣч. этихъ болѣзней имѣются десятки тысячъ нотаріальныхъ и письмен. благодарностей Бальзамъ премир. на европ. выст. и награжденъ пятью Grand Prix и семью бол. зол. мед. Требуется брошюры на всѣхъ яз. Почт. расх. 1 франкъ. АВРАНИНЪ продается въ аптекахъ, или непосредственно обращаться по адресу: LABORATOIRE AVRANINE, 6, Rue Maublanc, Service 17, Paris 15e. M-ro: Vaugir. Tél. Vau 65-69. Лабораторія ищетъ представителей для продажи «Авранина» въ странахъ Южной Америки, въ Австраліи, Индіи и Канадѣ.

Автомобили въ кредитъ !!

200 машинъ отъ 3.500 до 30.000 франк.
Citroën, Peugeot, Hotchkiss, Renault,
Ford, Buick, Chrysler, Bugatti,
Auburn, Packard.

Гарантия 3-6 мѣс. — Требуите каталоги

AUTOSPORT

48, BOUL. DE LA SOMME, GAL. 84-10
Métro Porte Champerret.
МАСТЕРСКАЯ МЕХАН. и КАРОССЕРИ.
ПРОДАЖА ГРУЗОВИКОВЪ
68, Bd. Bourdon, Neuilly. — Mai. 98-58

КАБИНЕТЪ

П. П. Анненкова

16, RUE DE CRAMONT, PARIS (2e),
Tél. Rich. 81-83. M-ro Richelieu-Drouot
ПЕРЕВОДЫ, ПЕРЕПИСКА,
РОТАТОРНЫЯ РАБОТЫ.

ПИЩУЩАЯ МАШИНА

разныхъ системъ русск. и иностран.
Прокать. Продажа. Починка.
Цѣны умѣренн. Доставка въ провинцію

КНИЖНАЯ
ТОРГОВЛЯ **«VICTOIRE»**

73, r. de la Victoire, tél. Tri. 52-73

Обширнѣйшій выборъ книгъ въ довоен. и нов. изд. по всѣмъ отраслямъ знаний. Художественная литература, Искусство, Исторія, Теологія, Русск. мыслители, Философія. Юридическія книги. Рѣдкія изд. XVII и XVIII столѣтій. Специальн. отдѣлы книгъ по исторіи русск. револ., гражданск. войнѣ, еврейск. вопросу, масонству и т. д. Шахматы, Словари. Дѣтск. книги. Всѣ новинки, заруб. и сов. Антикварный каталогъ по ЛИТЕРАТУРѢ, ИСКУССТВУ, ИСТОРИИ высылается по требованію БЕЗПЛАТНО.

ALLIANCE FRANÇAISE

101, Bd RASPAIL, Paris (6^e). Lit. 18-13
ПРАКТИЧЕСКАЯ, ИЗУЧЕНИЕ
ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА

Курсы съ ограниченн. колич. ученик.
Запись во всякое время.
Бесплатныя вечерніе курсы отъ 18 ч. 30 минутъ до 19 ч. 30 м. по средамъ и пятн.

«ТУБЕРКУЛЕЗЪ» БРОШЮРА

Д-ра ХМЪЛЕВСКАГО

Цѣна 5 фр.

Продажа на квартирѣ у автора.
126, AV. EMILE ZOLA (15e).
M-ro Em. Zola Tél.: Lec. 94-83

ГЕНЕРАЛЬН. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО «ИЛЛ. РОСС.» ВЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ:

CASA KASSIAN,

San-Martin, 362,

Buenos-Aires, ARGENTINA.

Если вы хотите помѣстить Ваше объявленіе въ «ИЛЛЮСТР. РОССИИ», позвоните по телефону. БАЛЬЗАКЪ 19-52 и къ вамъ немедленно явится агентъ отдѣла объявленій.

№ 20 (730)

17, r. de La Trémoille
PARIS (VIIIe)
Balzac 19-52

LA RUSSIE ILLUSTRÉE
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ

6 - V - 1939

Цѣна отд. № фр. 4
Prix du numero frs 4

Контора «Илл. Россіи» проситъ г. г. подписчиковъ съ разсрочкой платежа, срокъ подписки которыхъ истекъ 1-го мая, озаботиться уплатой очередного взноса, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала.

БУНИНЪ въ его новомъ романѣ „Лица“ *)

«... Она одна оставалась дома, нѣсколько дней не выходила, какъ всегда каждый мѣсяцъ, и, какъ всегда въ эту пору, была не совсѣмъ такая, какъ обычно. Она, вѣрно, долго полужела на тахтѣ въ нашей спальнѣ, поджавъ подъ себя, по своей привычкѣ, ноги, много курила, — она стала съ нѣкотораго времени курить, не слушая моихъ просьбъ и требованій бросить это столь не шедшее къ ней занятіе, — все смотрѣла, должно быть, передъ собою, потомъ вдругъ встала, безъ помарокъ написала мнѣ на клочкѣ нѣсколько строкъ, которыя братъ, воротаясь, нашелъ на туалетѣ въ этой опустѣвшей спальнѣ, и кинулась собирать кочто изъ своихъ вещей — прочее просто бросила — и это прочее, какъ попало раскиданное, я долго не имѣлъ потомъ рѣшимости собрать и спрятать куда-нибудь. Ночью она была уже далеко, въ пути домой, къ отцу... Отчего я тотчасъ-же не погнался за ней? Можетъ быть, отъ стыда и оттого, что уже хорошо зналъ теперь ея непреклонность въ инныя минуты жизни. А въ отвѣтъ на мои телеграммы и письма пришло, въ концѣ концовъ, только два слова: «Дочь моя уѣхала и мѣстопребываніе свое запретила сообщать кому бы то ни было».

Неизвѣстно, что было бы со мной въ первое время, не будь возлѣ меня брата (при всей его безпомощности, растерянности). Тѣ нѣсколько строкъ, что она написала въ объясненіе своего бѣгства, онъ не сразу передалъ мнѣ, все сперва подготавливая меня, — и съ большой неловкостью, — наконецъ, рѣшился, скупо заплакавъ и подавъ. На клочкѣ было написано твердымъ почеркомъ: «Не могу больше видѣть, какъ ты все дальше и дальше уходишь отъ меня, не въ состояніи продолжать переносить оскорбленія, которыя ты безъ конца и все чаще наносишь моей любви, не могу убитъ ее въ себѣ, но не могу и не понимаю, что я дошла до послѣдняго предѣла униженія, разочарованія во всѣхъ своихъ глупыхъ надеждахъ и мечтахъ, молю Бога, чтобы Онъ далъ тебѣ силъ пережить нашъ разрывъ, забыть меня и быть счастливымъ въ своей новой, ужъ совсѣмъ свободной жизни...»

*) И. А. Бунинъ. «Жизнь Арсеньева (романъ)». II. «Лица». (Изд. «Петрополисъ» — Брюссель).

Я прочелъ все это однимъ взглядомъ и довольно нагло сказалъ, чувствуя, что земля проваливается у меня подъ ногами и кожа на лицѣ и головѣ леденеетъ, стягивается:

— Что-жь, этого надо было ожидать, обычная исторія, эти «разочарованія!»

Послѣ этого я имѣлъ мужество пройти въ спальню и съ равнодушнымъ видомъ лечь на тахту...

... Потомъ прошла недѣля, другая, мѣсяцъ. Я давно отказался отъ службы, нигде не показывался на люди. Я одолѣвалъ воспоминаніе за воспоминаніемъ, день за днемъ, ночь за ночью — и мнѣ все почему-то думалось: вотъ такъ когда-то, гдѣ-то, какіе-то славянскіе мужики «волокомъ» переволакивали съ ухаба на ухабы полѣснымъ дорогамъ свои обременныя тяжелой кладью лады.

... Я еще съ мѣсяцъ мучился ея вездѣ присутствіемъ въ домѣ и въ городѣ. Наконецъ, почувствовалъ, что итъ больше силъ выносить эту муку, и рѣшилъ уѣхать въ Батурино — прожить тамъ нѣкоторое время, не загадывая о будущемъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда я не выдержалъ, сорвался однажды съ мѣста, кинулся очертя голову въ городъ — и въ тотъ же день вернулся ни съ чѣмъ: въ домъ доктора меня просто не пустили. Съ дерзостью отчаянія выскочилъ я изъ износившихъ сапоговъ у знакомаго, теперь страшнаго подлѣзда, съ ужасомъ взглянулъ на полужившія окна столовой, гдѣ столько дней просидѣлъ я съ нею когда-то на диванѣ, — тѣхъ осеннихъ, первыхъ нашихъ дней! — дернулъ звонокъ... Дверь открылась, и я очутился лицомъ къ лицу съ ея братомъ, который, блѣднѣя, раздѣльно сказалъ мнѣ: — Отецъ не желаетъ васъ видѣть. Она же, какъ вамъ извѣстно, въ отсутствіи.

Это былъ тотъ гимназистъ, что такъ бѣшено носился въ ту осень съ Волчкомъ вверхъ и внизъ по лѣстницѣ. Теперь передо мной стоялъ мрачный, очень смуглый юноша въ бѣлой косоovorокѣ офицерскаго образца, въ длинныхъ сапогахъ, съ проби вающимися черными усами, съ непреклонно-злымъ взглядомъ маленькихъ черныхъ глазъ, отъ смуглости малахитово блѣдный. — Уходите, пожалуйста, — прибавилъ

онъ тихо, и видно было, какъ подъ косоovorоткой бьется его сердце.

И все-таки всю зиму, каждый день, я упорно ждалъ отъ нея письма, — не могъ повѣрить, что она оказалась столь каменно-жесточкой.

... Весной того-же года я узналъ, что она пріѣхала домой съ воспаленіемъ легкихъ и въ недѣлю умерла. Узналъ и то, что это была ея воля, — чтобы скрывали отъ меня ея смерть возможно дольше.

... Недавно я видѣлъ ее во снѣ — единственный разъ за всю свою долгую жизнь безъ нея. Ей было столько же лѣтъ, какъ тогда, въ пору нашей общей жизни и общей молодости, но въ лицѣ ея уже была прелесть увядшей красоты. Она была худя, на ней было что-то похожее на трауръ. Я видѣлъ ее смутно, но съ такой силой любви, радости, съ такой тѣлесной и душевной близостью, которой не испытывалъ ни къ кому никогда.

«Какъ воскреснуть мертвые? И въ какомъ тѣлѣ придуть? Сѣется въ тлѣніи, возрастаетъ въ неглѣбнн; сѣется въ немощи, возрастаетъ въ силѣ; сѣется тѣло душевное — возстаетъ духовное».

Этимъ взволнованными, скорбными словами заканчивается новый романъ Бунина. И, когда по прочтеніи, мысленнымъ взоромъ охватываешь эту Бунинскую запись «исторіи одной любви», и осмысливаешь содержание ея и высокой, пронизывающей ее смыслъ, — неизбѣжно приходишь къ заключенію о томъ, что Бунинъ одарилъ насъ еще однимъ большимъ литературнымъ твореніемъ. Искусство писателя одержало еще одну побѣду.

Романъ — «Лица»... Онъ названъ такъ по имени героини — прекраснаго, молодого существа, сумѣвшаго безгранично полюбить тоже совсѣмъ молодого, юнаго (ему было всего 20 лѣтъ) Арсеньева. Полюбить навсегда, на всю жизнь, беззаветно отдавъ своему чувству и умереть, погибнуть, какъ только утрачена и неоправдана была эта любовь...

МАЛОКРОВІЕ

НЕВРАСТЕІЯ, СЛАБОСТЬ.

Сиропъ ДЕШЬЕНЪ на гемоглобинѣ.

Эта любовь, как пронесшийся бурный поток, окончилась трагическим финалом. Но как молодо, великолепно и чудесно занялась она, за два года до этого горестного финала — в родном Бунину губернском Орле и около Арсеневского помещичьего гнёзда — Батурина. Там, где так чудесно возникли первые встречи с Ликой.

Вот страничка из этого «начала».

«... Не было как будто ничего, кроме удовольствия веселых встреч. Но вот, — это было уже в конце лета, — один из этих друзей, живший с сестрой и стариком отцом в имении недалеко от города, на обрывистом берегу Исты и тоже бывавший у нея, пригласил к себе довольно большое общество на именной обед. За ней он приехал сам, она шла с ним в шарбанчике, я сзади, верхом. Радовать солнечный, сухой простор полей, открытые и как бы песчаная поля были без конца покрыты колнами. Все во мне требовало чего то отчаянно — ловкаго. Я безбожно горячил и сдерживал лошадь, потому пускал ее и на всем скаку малюк через копны, в кровь разскакая ей бабки острыми подковами. Именной обед на прогнившем балконе длился до вечера, вечер незаметно слился с ночью, с лампами, вином, пѣснями и гитарами. Я сидел рядом с ней и уже без всякого стыда держал ее руку в своей, и она не отнимала ее. Поздно ночью мы, точно сговорившись, встали из-за стола и сошли с балкона в темноту сада, она остановилась в его теплой черноте и, прислонясь спиной к дереву, протянула ко мне руки, — я не мог разглядеть, но тотчас угадал их движение... Быстро пощрыло похлопало того в саду, хрипло и как то беспомощно — блаженно стали кричать в усадьбе молодые пѣтушки, а еще через минуту стала свѣтлеть весь сад от огромного золотистаго востока, раскрывающегося за ними над желтыми полями за рѣчью низменностью... Потом мы стояли на обрыве над этой низменностью, и она, глядя на солнечного разгорающийся небосклон и уже не замечая меня, пѣла «Утро» Чайковского. Оборвав на высококом, недоступном ей звукѣ, она подхватила нарядные оборки юбки цѣпта куропатки и побѣжала к дому. Я остановился, растерянный, но уже неспособный не только соображать что нибудь, но просто держаться на ногах. Я отошел под старую березу, стоящую на скале обрыва в сухой травѣ, и прилегал под ней. Был уже день, солнце взшло и, как всегда в конце лета, в погожую пору, сразу наступило свѣтлое жаркое утро. Я положил голову на корни березы и тотчас заснул. Но солнце разгоралось все жарче, — вскорѣ я проснулся в таком зноѣ и блескѣ, что встал и, шатаясь, пошел искать тени. Весь дом еще спал, стоя в сухом ослѣпительном свѣтѣ...»

Таким цвѣтущим благоуханным летом было это начало «первой любви» Арсеньева.

Конечно, и эту 2-ую часть «Жизни Арсеньева» многие воспримут как автобиографию, как рассказ Бунина о самом себе о своей собственной жизни. Но как много ни было бы и в «Ликѣ» автобиографических черт и, дѣйствительно, автобиографична — все же оцѣнка Бунинской «Жизни Арсеньева» (и «Лики», 2-ой части ее), как автобиографична, была бы искажением

смысла этого творения Бунина. В будущем изследователи творчества Бунина и его биографы, конечно, вплотную подойдут к этому вопросу о соотношении в «Жизни Арсеньева» автобиографична и вымысла — того, что было, и того, что лишь пригрезилось Бунину, когда он, раздумывая о своем жизненном пути и о своей судьбе писал «Жизнь Арсеньева». И, конечно, и в будущем, как и теперь, всем пишущим о Бунинѣ, придется считать с заявленными самим Буниным (а такковыя были сделаны уже и в печати), что роман Арсеньева вовсе не «роман его жизни», и что Арсеньев (как бы он ни был создан «по образу и подобию» Бунина), вовсе не Бунин — во всем и всегда!

Во всяком случае, «Жизнь Арсеньева» сопровождается подзаголовком не «воспоминания», а «роман». И, именно, как роман, и только, как роман, воспринимаем мы и 2-ую часть этой «Жизни» — «Лик». И в этом утверждает нас все внутреннее звучание, лирическое — патетическая настроенность этой новой книги Бунина. Конечно, сам Бунин, можно сказать, смотрит на нас с каждой страницы этой «истории одной любви»... Но отладим же, наконец, должное Бунину — дарь вымысла, дарь воображения присущ и его великому писательскому таланту!.

Не Россия нашей сумасшедшей эпохи и не Россия даже отшумѣвшего, до военного, периода, не Россия нашего вѣка — в «Ликѣ» Бунина. Давние, «чеховские» годы — вот та временная обстановка, в которую переносят нас страницы этого Бунинского романа. Губернская Орель и уѣздное затѣе гнѣздо «Орловских» мѣст, помещичье гнѣздо гдѣ-то около станиц Писарево, Арсеньевское Батурино — здѣсь завязывается роман: рассказанная Буниним единственная любовь Лики и первая любовь Арсеньева. А затѣм шумным, таинственным потоком на страницах Бунинской художественной прозы проносится чуть ли не вся Россия — от Орловских мѣст до Петербурга и Москвы, также Западная Россия — Смоленск, Витебск, Полоцк, — наша Малороссия...

И эта Россия, вѣщный бытовой фон, окружающий молодой роман Арсеньева, запечатлѣн Буниним в своей трепетной жизненностью с такой силой и с такой живописующей дѣйствительностью, что возникает великое искушение — великий соблазн говорить о Бунинѣ, как о замѣчательном бытописателѣ, и об его исключительной памяти, благодаря которой опять во всей своей реальности этот отшумѣвший, ушедший в прошлое бытъ, возстает перед нами, как наше «сегодня». Кто другой так помнит эту, канувшую в небытие жизнь, кто так способен вспоминать о том что было!

И, конечно, это величайшее заблуждение. «Жизнь Арсеньева» — не книга воспоминаний и не бытописание, а живописательство, словесное живописание, рождаемое в актѣ подлиннаго творчества, и творчества поэта... Роман «Лик» написал Бунин — поэт, и Бунинская проза — проза поэта!

И только поэтически преображенной, озаренной мечтой поэта, возникает перед нами в «Ликѣ» — Россия. Приведем нѣсколько страничек, переносящих нас в эту Бунинскую Россию. Арсеньев, герой «Лики» — в Витебскѣ, и вот Витебск Бунина.

«... Слѣдующую ночь я проводил уже в вагонѣ, в голом купѣ третьяго класса. Был совсѣм один, даже немного боязно было. Слабый свѣтъ фонари печально дрожал, качался по деревянным лавкам. Я стоял возле черного окна, из невидимых отверстій котораго остро и свѣжо ду-

ло, и, загородив лицо от свѣта руками, напряженно вдвигался в ночь, в лѣса. Тысячи красных пчел неслись, разбивались там иногда, вмѣстѣ с зимней свѣжестью, пахло ладаномъ, горящими в паровозѣ дровами... О, как сказочно мрачна, строга, величава была эта лѣсная ночь, безконечная, узкая, глубокая простѣка лѣсного пути, великіе, темные призраки вѣковых сосен, тѣсным, дремучим строем шедших вдоль него! Свѣтлые четырехугольники оконъ косо бѣжали по бѣлым сугробам у подножья лѣса, иногда мелькалъ телеграфный столбъ, — выше и дальше все тонуло во тьмѣ и тайнѣ.

Утромъ было внезапное, бодрое пробуждение: все свѣтло, спокойно, поѣзд стоит — уже Смоленск, большой вокзалъ. Я выскочил из вагона, жадно глотнул чистаго воздуха... У дверей вокзала толпился возле чего-то народъ; я подбѣжал — это лежал убитый на охотѣ дикій кабан — огромный, могучій, заколебавшій и промерзшій, страшно жесткій даже на видъ, весь торчащій сѣрыми длинными играми густой щетины, пересыпанной сухим снѣгомъ, сь свинными глазами, сь двумя крѣпко закусенными бѣлыми клыками. Остаться? — подумалъ я. — Нѣтъ, дальше, в Витебск!

В Витебск я приехал к вечеру. Вечеръ былъ морозный, свѣтло — желтый. Всюду было очень снѣжно, чисто, дѣвственно, городъ показался мнѣ древнимъ и не-русскимъ: высокіе, вь одно слитые дома съ крутыми крышами, съ небольшими окнами, съ глубокими и грубыми полукруглыми воротами в нижнихъ этажахъ. То и дѣло встрѣчались старые евреи, съ пейсами, похожими на трубчатые, вьющиеся бараньи рога, безкровные, сь печально-воспросительными сплошь темными глазами. На главной улицѣ было гулянье — медленно двигалась по тротуарамъ густая толпа полныхъ дѣвушекъ, наряженныхъ сь провинциальной еврейской пышностью в бархатная толстая шубки, лиловые, голубые и гранатовые. За ними, но скромно, отдѣльно, цѣлыми стадами шли молодые люди, всѣ в котелкахъ, но тоже сь пейсами, сь дѣвичьей нѣжностью и округлостью восточно-конфетныхъ лицъ, сь шелковистой юношеской опушкой вдоль щекъ, сь тонкими антилопными взглядами... Я шел как очарованный в этой толпѣ, в этомъ столь древнемъ, как мнѣ казалось, городѣ, во всей его чудной новизнѣ для меня.

Темнѣло, я пришел на какую-то площадь, на которой возвышался желтый костелъ сь двумя звонницами. Войдя в него, я увидалъ полумракъ, ряды скамеекъ, впереди, на престолѣ, полукругъ огоньковъ. И тотчасъ медлительно, задумчиво заплѣлъ гдѣ-то надо мной органъ, потекъ глухо и плавно, потомъ сталъ возвышаться, роста — рѣзко, металлчески... сталъ кругло дрожать, скрежетать, как бы вырываясь изъ-подъ чего-то, глушившаго его, потомъ вдругъ вырвался и звонко разлился небесными пѣснопѣвными... Впереди, среди огоньковъ, то поднималось, то падало горловое бормотание, гнусаво раздавались латинскіе возгласы. Вь сумракѣ, оп обѣимъ сторонамъ уходящихъ впередъ толстыхъ каменныхъ колоннъ, терявшихся вверху в темнотѣ, черными привидѣніями стояли на цоколяхъ какіе-то желѣзные латники. Вь высь надъ алтаремъ сумрачно умирало большое многоцвѣтное окно...»

Или вот бунинская Малороссия...

«... Станція была отъ города далеко, вь широкихъ долинахъ. Вокзалъ — небольшой, пріятный. На вокзалѣ — привѣтливые лакеи, ласковые носильщики, благосклонные извозчики на козлахъ домовитыхъ тарантасовъ, запряженныхъ парой вь дышло.

Городъ, весь вь густыхъ садахъ, сь гетманскимъ соборомъ на обрывѣ горы, глядѣлъ сь нея на востокъ и на югъ. Вь восточной долинѣ отдѣльно стоялъ крутой холмъ сь древнимъ монастыремъ на вершинѣ, дальше было зелено и пусто, долина переходила вь степные скаты. Вь южной, за рѣкой, за ее веселыми дугами, взгляды терялся вь солнечномъ блескѣ.

Вь городѣ многія улицы казались тѣсны отъ садовъ и тополей, рядами тянувшихся вдоль дощатыхъ «пѣшеходовъ», на которыхъ часто можно было встрѣтить гордо-грудастую дѣвку вь обтянутой по бедрамъ плахѣ, сь тяжелымъ водоносомъ на сильномъ плечѣ. Тополы были необыкновенны своей высотой и мощностью, восхищали насъ; стоялъ май, много было грозъ и ливней, и какъ блестяще зеленѣли они своей крѣпкой листвою, какъ свѣжо и смолисто благоухали! — Весна тутъ была всегда яркая, веселая, лѣто знойное, осень ясная, долгая, зима мягкая, сь влажными вѣтрами, санные извозчики ѣздили сь бубенчиками, сь ихъ прелестнымъ глухимъ бормотаньемъ.

Крупный, загорѣлый, сь кругло стриженной сѣдой головой старикъ Кованько, у котораго мы поселились вь одной изъ такихъ улицъ, имѣлъ цѣлое помѣстье: дворъ, флигель, домъ и садъ за домомъ. Самъ онъ занималъ флигель, а домъ, бѣлелый мѣломъ и тѣнистый отъ сада сзади и большой стеклянной галлерей по фасаду, сдавалъ намъ. Онъ гдѣ-то служилъ, пріядя со службы, сытно обѣдалъ, отдыхалъ, а потомъ, полураздѣтый, сидѣлъ подъ раскрытымъ окномъ и все пѣлъ, покуривая «люльку»: «Ой, на горѣ та женщ жнуть...»

Комнаты вь домѣ были невысокія, простыя; какой-то древній сундукъ подъ суровымъ рядомъ сь цвѣтной мережкой стоялъ вь прихожей. Служила намъ молоденькая казачка, вь красотѣ которой было что то ногойское...»

«... Къ вечеру зной спадать. Солнце стояло за домомъ, мы пили чай вь стеклянной галлерей, возле открытыхъ во дворѣ оконъ. Она теперь много читала и вь эти часы все о чемъ-нибудь разспрашивала брата, а онъ сь удовольствием наставлялъ ее. Вечеръ былъ безконечно тихъ, неподвиженъ, — одинъ ласточки мелькали во дворѣ и, извиваясь, тонули вь глубокомъ небѣ. Они говорили да я слушалъ: «Ой, на горѣ та женщ жнуть...» Пѣсь разсказывала, что на горѣ жнуть хлѣборобы, текала ровно, долго, грутаны раздуки, потомъ крѣпла и звучала твердо — волей, далью, отвагой, воинскимъ ладомъ:

А по-під горою,
По-під високою
Козаки йдуть!

Она протяжно и грустно любовалась, какъ течеть по долинѣ казачье войско, какъ вьдетъ его славный Дорошенко, ѣдетъ впереди всѣхъ. А за нимъ, говорила она, за нимъ Сагайдачный. —

И. А. Бунинъ вь молодые годы.

Шо проміяв жінку
На тютюн да люльку,
Необачний...

Она медлила, гордо дивилась столь странному челоуѣку. Но вслѣдъ за тѣмъ была вь литахъ сь особенною радостной волей:

Мені з жіноку
Не возитись!
А тютюн та люлька
Козаку вь дорозі
Знадобитись!

Я слышалъ, грустно и сладко чему-то завидуя.

На закаты мы гуляли, шли иногда вь городъ, иногда вь скверъ на обрывѣ за соборомъ, иногда за городъ, вь поле. Вь городѣ было нѣсколько мощеныхъ улицъ сь всякой еврейской торговлей, сь непонятнымъ количествомъ часовыхъ, аптекарскихъ и табачныхъ магазиновъ; эти улицы были каменны, бѣды, дышали тепломъ послѣ дневного жара, на ихъ перекресткахъ стояли киоски, гдѣ прохожіе пили разноцвѣтные сиропы сь шипучей водой, и все это говорило о югѣ и тянуло куда-то еще дальше на югъ, — помню, я часто думалъ тогда почему-то о Керчи. Глядя отъ собора вь долину, я мысленно ѣхалъ вь Кременчугъ, вь Николаевъ. Вь поле, за городъ мы шли западнымъ предметьемъ, совсѣмъ деревенскимъ. Его хаты, вишневые сады и баштаны выходили вь равнину, на прямую, какъ стрѣла, миргородскую дорогу. Вь далекой дали дороги, вдоль телеграфныхъ столбовъ, медленно тянулась хохлацкая телѣга, влекомая двумя качающимися вь ярмѣ, клонящими головы волами, она тянулась и исчезала, какъ вь морѣ, вмѣстѣ сь этими столбами, — послѣдніе столбы уже чуть маячили вь равнинѣ, были какъ папочки малы. Это была дорога на Чювщину, Ярески, Шинаки...»

«... Потомъ глохъ колокольчикъ вь огромномъ воздушномъ пространствѣ, разгулявшийся день былъ сухой, жарокъ, ровно бѣжала телѣжка вь глубокой дорожной пыли, и все вокругъ было такъ однообразно, что вскорѣ уже не стало силы глядѣть вь даль сонно-свѣтлаго горизонта и напряженно ждать отъ него чего-то. Вь полдень прошло мимо насъ вь этой горячей пустынѣ хлѣбовъ вѣчто совсѣмъ кочевое: безконечныя овчарни Кочубея. «Поддень, овчарни, записала я среди толчковъ телѣжки. Сѣрое отъ зноя небо, ястреба и сивоворонки... Я совершенно счастливъ!» Вь Яновщинѣ записалъ о корчмѣ: «Яновщина, старая корчма, ее черная внутренность и прохладная полутьма; еврей сказалъ, что пива у него нѣту, «есть только напитокъ». — «Какой напитокъ?» — «Но напитокъ! Напитокъ Фіалка». Еврей — тошій, вь лапсердакѣ, но напитокъ вынесъ изъ задней комнаты гимназистъ, необыкновенно полный подростокъ, высоко подпоясанный новенькимъ ремнемъ по свѣтло-сѣрой курткѣ, очень красивый какъ-то по-персидски: его сынъ. Послѣ Шинакъ я тотчасъ вспомнилъ гоголевскую записную книжку: «И вдругъ яръ среди ровной дороги — обрывъ вь глубину и внизъ; и вь глубинѣ лѣса, и за лѣсами — лѣса, за близкими, зелеными — отдаленные, синіе, за ними полоса песковъ серебряно-соломеннаго цвѣта... Надъ стремниной и кручей махала крыльями скрипучая вѣтренняя мельница...» Подъ этимъ обрывомъ, вь глубинѣ долины, лукой выгибался Песель и зеленѣло садами большое село...»

«... Медленно зvonили къ вечернѣ, вь улицахъ уже лежали длинныя тѣни отъ садовъ и домовъ, но все еще стоялъ тотъ особый предвечерній зной, что бываетъ вь южныхъ городахъ вь концѣ лета, когда все сожжено даже вь садахъ и палисадникахъ, которые изо дня вь день неслись на солнцѣ, когда все и всюду — и вь городѣ, и вь степи, и на баштанахъ — сладко утомлено долгимъ лѣтомъ.

На площади, у городского колодца, богиной стояла рослая хохлушка вь подкова-ныхъ башмакахъ на босу ногу; у нея были каріе глаза и та ясность широкаго чела, которая присуща хохлушкамъ и полякамъ. Вь улицу, которая шла сь площади подъ гору, вь долину, глядѣла предвечерняя даль южнаго горизонта, чуть видныхъ степныхъ холмовъ. Спустился по этой улицѣ, я свернулъ вь тѣсный переулокъ между мѣщанскими помѣстьями городской окранны и вышелъ на левую, чтобы подняться на гору за ней, вь степь. На левѣдѣ, на гумнахъ среди голубыхъ и бѣлыхъ мазанокъ, мелькали вь воздухѣ цѣпы: это молотили тѣ самые парубки, которые такъ дико и чудесно гукали или пѣли на церковный ладъ вь лѣтній ночи. На горѣ вся степь, насколько хваталъ глаза, была золотая отъ густого живня. На широкомъ шляхѣ лежала такая глубокая и мягкая пыль, что казалось будто идешь вь бархатныхъ сапогахъ. И все вокругъ — вся степь и весь воздухъ — нестерпимо блестяло отъ низкаго солнца...»

Можно было бы привести много такихъ страницъ Бунинской «поэмы» о России. Онѣ завораживаютъ, зачаровываютъ, какъ творение поэта.

КАМЕННОЕ ЛИЦО

РАЗСКАЗЪ

Такъ прозвали его уже давно. Такъ онъ самъ называлъ себя. И лишь порой съ удивленіемъ вспоминалъ, что былъ когда-то крестьяниномъ Тульской губерніи, Семеномъ Акимовичемъ Ушкановымъ...

«Каменное лицо»... Низкорослый, сутулый, неказистый, съ длинными обезьяньими руками и кривыми ногами, съ грубымъ, точно, дѣйствительно, изъ камня высѣченнымъ лицомъ... Была въ немъ какая-то особенная жуткая неподвижность. И казалось бы оно мертвымъ, если бы не оживляли его по временамъ маленькіе злые глаза.

Странная жизнь. Навѣрно, показалось бы она страшной, если бы не вѣчная пьяная мгла. Въ ней все сливалось, перемѣшивалось, казалось другимъ... Узкая щель въ стѣнѣ Монпарнаскаго вокзала, гдѣ онъ ютился зимой и лѣтомъ. Голодный желудокъ. Грязная бистро. Злобные недруги - приятели: Васька - акцизный, Митька - разстрига, Володька - матросъ. Старая приятельница Луиза, нищая съ блошиного рынка. Назойливые огни свѣтовыхъ рекламъ. Автомобили. Люди. Длинные ночи. И ни воспоминаній, ни надеждъ. Ничего!..

Это былъ его «внѣшній міръ». Въ немъ не было солнца. Потому что не было дня. Лишь ночью вытѣзалъ онъ, «Каменное лицо», изъ своей щели. Оборванный, голодный, больной. И принимался «за работу»... Съ трудомъ брелъ онъ въ узкую боковую улицу и, пританцовывая у стѣны, жадно глядѣлъ на сіяніе вблизи огни ресторановъ... Не здоровится. Дрожатъ руки и ноги. Мутитъ. Кружится голова. И мучительно хочется выпить, забыться, уйти въ другой, въ «свой внутренній міръ». А нужно ждать!

Но вотъ остановились какіе-то автомобили... Мужчины, женщины... Веселые, довольные, безпечные. Все равно! Все равно! Нужно подбѣжать, надо открыть дверцу автомобиля и низко склонить голову... Да здравствуетъ жадность сытыхъ! Вотъ одинъ франкъ, потомъ еще два... Вотъ какая-то красавица небрежно бросила на мостовую дѣлтыхъ три франка... Склонился. Подобралъ. Прохрипѣлъ: «мерси». И тотчасъ-же скользнулъ въ тѣнь стѣны. Теперь можно идти въ бистро «Папы и сына». И, дрожа отъ вожделѣнія, семенитъ онъ внизъ по улицѣ къ хорошо знакомому цинковому прилавку..

Деньги впередъ! Ни «Папа», ни «Сынъ», владѣльцы бистро, не вѣрятъ своимъ ночнымъ посягателямъ... — Вотъ, пожалуйста, три хранака», — бормочетъ по-русски «Каменное лицо» и жадно пьетъ ледяное «перно»... А рядомъ какой-то пьяный съ нѣжностью смотритъ на него и, внезапно раззявившись, предлагаетъ второе, потомъ третье... Смѣется шумливая, пестрая «ночная публика»... Смѣются «Папа» и «Сынъ». Но «Каменному лицу» все равно. Онъ уже въ «своемъ» мірѣ. Уже ушло все обычное, тягостное. Бредовая мгла медленно окутываетъ его мозгъ. И презрительно поглядываетъ онъ на «Папу» и «Сына», на полупьяныхъ соседей, на толкующихся у двери «Ваську-акцизнаго» и «Володьку-матроса»... — Вотъ еще шантрапа, прости Господи! — сквозь

зубы бормочетъ онъ, и, снисходительно приставившись къ хозяевамъ: — бонжуръ, мусью. — спѣшитъ снова на «свою» улицу. Но, униженно подбирая брошенные франки, уже злобно смотритъ въ спину уходящихъ «благодѣтелей»... Они — ничто, такъ, дрянъ какая-то, слизъ! Онъ выше ихъ!

Эта пьяная увѣренность въ себя и въ свои силыхъ появилась у него уже давно, и вотъ почему: въ теченіе долгихъ лѣтъ ему удалось скопить десять тысячъ франковъ. Эти деньги — десять завѣтныхъ билетовъ, завернутые въ грязную тряпку — хранились въ той-же щели Монпарнаскаго вокзала, гдѣ онъ ютился. Тщательно и бережно замуровывалъ ихъ въ стѣнѣ «Каменное лицо». Никто ихъ не видѣлъ. Никто не знаетъ о нихъ. И они-то и были источникомъ его пьяной гордыни. Только пьяной. Потому что трезвымъ, онъ мучительно боялся потерять ихъ, боялся всего, боялся всѣхъ...

Ничій - богачъ! Такъ онъ называлъ себя. Стоитъ только захотѣть — и все станетъ доступнымъ! Все склонится передъ нимъ! Но онъ не захочетъ, не «дерзнетъ». Не выйти ему изъ своего заколдованнаго круга, слишкомъ онъ сжился съ нимъ. Въ мірѣ реальномъ — онъ — ничто, его десять тысячъ — это ноль, одинъ день, а можетъ быть, лишь одинъ часъ «настоящей» жизни. Онъ ясно сознавалъ это. Но въ его «внутреннемъ мірѣ», въ царствѣ пьянаго бредового хаоса — онъ былъ великъ и могучъ! Его десять тысячъ превращались въ сказочное богатство, чудесныя возможности широко раскрывались передъ нимъ. Онъ путешествовалъ по отдаленнымъ странамъ, танцевалъ на балахъ, его любили гордыя красавицы.

Такъ жилъ онъ. Такъ бредилъ, пьяный, блуждая по ночному Монпарнасу. Много, много лѣтъ. И, какъ всегда бываетъ въ жизни — до одного дня.

Начался этотъ день, вѣрнѣе, ночь такъ-же, какъ и другіе. Довольно рано вышелъ онъ на «работу». Зашелъ въ одно бистро, потомъ въ другое. И неожиданно наткнулся на «Ваську-акцизнаго». Тотъ пилъ кофе у стойки, какъ всегда грязный, оборванный, небритый, но не былъ пьянъ, что несказанно изумило «Каменное лицо». Онъ подошелъ, сталъ рядомъ. И опять такъ, къ его великому удивленію, Васька не обратилъ на него никакого вниманія. Даже не выругался. Это уже было слишкомъ! И подождавъ съ минуту, «Каменное Лицо» тихо спросилъ: — что-то съ тобой сегодня, миленькій? Никакъ обалдѣвши? Иль, можетъ, съ перепоя энто?

И отодвинулся въ сторону — чего добраго, дастъ въ морду? Но Васька — акцизный лишь хмуρο взглянулъ на него. А затѣмъ неожиданно бросилъ:

— Володьку убили сегодня ночью. Знаешь-ли ты это?

— Володьку - матроса? — вѣдъ себя отъ изумленія пробормоталъ «Каменное лицо» — гдѣ? какъ?

— Гдѣ? Какъ? — сердито передразнилъ его Васька. — На авеню Мэнъ, миленькій мой! Завелись мы съ тамошней босотой, съ

пріятели Митьки - разстриги. Ну, и по дрались. Митька тоже откуда-то выскочилъ. Ты знаешь, онъ всегда терпѣть не могъ Володьку, почему-то думалъ, что у Володьки есть деньги. Вотъ онъ и кричитъ Володькѣ: — Фасонъ давишь ты тутъ, а двадцать франковъ долга не отдаешь! Отдавай деньги, скотина! А Володька его по мордѣ — разъ! Тотъ ему далъ сдачи, повалилъ на землю, подскочили пріятели и начали давить, какъ слѣдуетъ! Я вижу — дрянъ дѣло, и задавъ стрекача. Черезъ часъ вернулся, а патронъ соседняго бистро говоритъ мнѣ: убили вашего компаніюта. Когда подошла полиція, босота разбѣжалась. А Володьку подобрали уже мертвого. Ему проломилъ черепъ.

Васька смолкъ и принялся угрюмо пить кофе. «Каменное лицо» съ ужасомъ смотрѣлъ на него. И, наконецъ, хрипло спросилъ:

— И что-то будетъ теперь?

— А «теперь» онъ до тебя доберется, пьяная тетеря, — усмѣхнулся Васька, — онъ тебя тоже буржумъ считаетъ. Да и мнѣ сдается — есть у тебя монета, что-то ужъ очень ты, пьяный, задаешься! Радъ буду видѣть васъ на кладбищѣ, коллега!

И онъ громко захохоталъ.

— Постой, постой, — испуганно забормоталъ «Каменное лицо», — что-то ты это брешешь? Каки таки деньги? Человѣкъ ты, можно сказать, съ понятіемъ, говорятъ должности разныя справлялъ, а не соображаешь? Бѣднякъ я, босякъ, вотъ что! Чьяво это Митька-то? Откуда взять?

Но Васька продолжалъ зловѣще хохотать. Потомъ бросилъ на прилавокъ франкъ, нахлобучилъ кепку и торопливо вышелъ на улицу.

Нѣсколько минутъ неподвижно стоялъ на мѣстѣ «Каменное лицо», потомъ стремглавъ выскочилъ изъ бистро. Неужели его тайна раскрыта? Неужто, пьяный, онъ выдалъ себя? Сболтнулъ лишнее? Не можетъ быть! Вреть Васька, пугаетъ! Ну, а если не вреть? Если, дѣйствительно, Митька провѣдалъ о деньгахъ? Тогда конецъ!

И, вздрогнувъ, онъ бросился бѣжать внизъ по пустынному авеню Мэнъ. Потомъ круто остановился: надо что-нибудь предпринять, нужно спрятать въ надежномъ мѣстѣ Развѣ сдать ихъ завтра въ банкъ или въ сберегательную кассу на почтѣ? Нѣтъ, нѣтъ! Вдругъ война, революція? Да и вообще — какъ отдать деньги въ чужія руки? Лучше вынуть ихъ изъ стѣны, спрятать въ мѣшечекъ на груди, да и удрать на «Блошинный рынокъ», къ Луизѣ? Не найдеть тамъ Митька! Да, это самое лучшее!

И онъ сразу успокоился. Быстро дошелъ до Монпарнаскаго вокзала, оглянулся по сторонамъ; потомъ осторожно скользнулъ въ узкій темный проходъ. Вотъ и его щель. Забраться туда, вынуть изъ стѣны деньги, спрятать ихъ въ мѣшечекъ на груди — было дѣломъ двухъ минутъ. И онъ снова въ гемномъ проходѣ, осторожно крадется къ бульвару Эдгаръ Кинэ. Нечего бояться! Никто не видѣлъ. Никого нѣтъ. Вотъ мостъ, площадь, станція метро... спасены деньги!

Часъ спустя онъ уже добрался до лачуги

Семья у радіо-аппарата

Рис. Mad'a

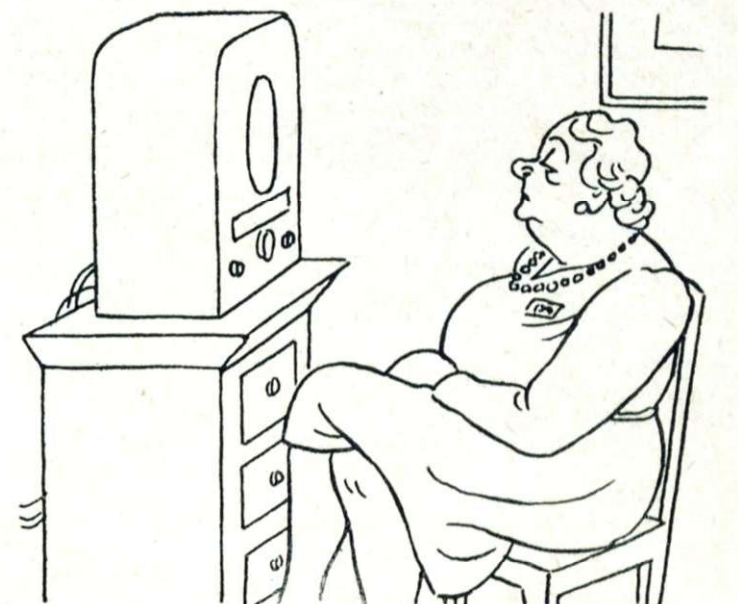
Романсы.

Жазъ-бандъ.

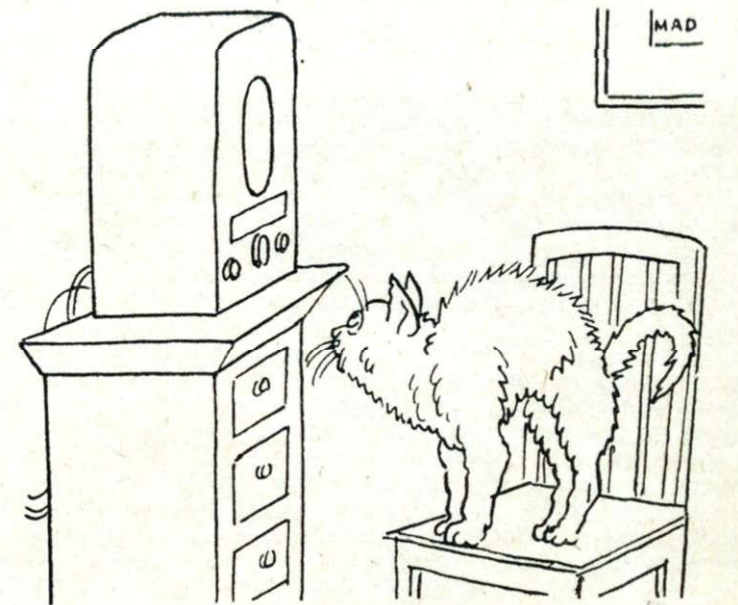
Радіо-Москва.

Симфоническій концертъ.

Политическія рѣчи.

Музыка модернъ.